

Автор: Гнездилов А. (Россия)

Я думаю, немного найдется людей, знающих меня, кто бы не отметил мою особую привязанность к сказкам. И, уж конечно, среди многих пленял мое воображение король сказок Ганс Христиан Андерсен. Я буквально жил событиями, изложенными в его книгах, и считал, что этот мир исполнившихся грез может заменить мне все реалии действительной жизни.

Впрочем, в какой-то момент в моем сознании, очарованном великим датским писателем, появилась не трещина, но некая неловкость. И взбудоражили меня события первой прочитанной истории об Огниве. Но, Впрочем, если говорить точнее, эта сказка была первой из остальных и, конечно, должна была настраивать меня на самые радужные чувства. Но случилось обратное.

С первой же страницы я представил себя бравым солдатом, возвращавшимся с войны. И вот его путь пересекает старая ведьма. Иные люди заглядывают в душу встречного, а в этом случае ведьма разглядела лишь пустой ранец солдата. Его можно было наполнить деньгами, послав солдата в подземелье за волшебным Огнивом, забытым ею в дупле старого дуба. Солдат с помощью волшебного передника справился с тремя гигантскими собаками, глаза которых напоминали то чайные чашки, то мельничные колеса, то круглые башни.

Выполнив все условия сделки, солдат внезапно заинтересовался огнивом, увидев в нем какую-то тайну, скрываемую ведьмой. Старуха отказалась раскрывать ее, и лихой солдат одним ударом снес ей голову.

Злодеяние солдата нельзя было оправдать старостью и безобразием ведьмы, а также ее прежними грехами, о которых можно было только подозревать. После этого, абсолютно не угрызаясь совестью, солдат пришел в город, завел себе друзей, среди которых слыл «славным малым», и, проводя время в поисках веселых интересов, узнал о загадочной принцессе, запиравшейся по ночам в крепкий замок под присмотром придворных. Все эти предосторожности окружали принцессу неведомым обаянием и прелестью, но более всего будоражило воображение предсказание, что принцесса должна будет выйти замуж за простого солдата.

Участие темных сил, использованных для того, чтобы увидеть красавицу, ознаменовалось появлением волшебных собак, стороживших ведьмин клад. Собаки не только снабжали солдата деньгами, приносили в его дом саму принцессу, но и, в конце концов, являли силу, способную разметать врагов солдата. Вот так солдат стал претендентом на роль нового правителя.

Мои размышления вдруг оказались далеки от старой и милой сказки, где добродетель награждается заслуженной победой, а солдат получает руку принцессы. Трансформация мыслей навязчиво возвращалась к трагедии ведьмы, существа несчастного и обиженного. Кажущееся добро являло собой по-настоящему преступный вид. Я начинал устраивать из моих размышлений суд над солдатом, попытку понять психологию каждого из персонажей сказки. Вольно или невольно в историю включилась старуха-процентщица из Достоевского. Причем сцена смерти старухи, столь краткая, но brutальная, оставила эту историю непонятной. То, что можно было оправдать доводами логики, было начисто отвергаемо сердцем.

Много разногласия носилось в моем воображении, пока я не вспомнил начало истории: «Раз-два, раз-два..» — маршировал солдат по дороге, ведущей его из огненного пекла. Ритм шагов бравого солдата, не сумевшего пожить на полях войны, выбивали логику из сюжета. Удивительно, но я настолько отождествлял себя с солдатом, что даже в моей походке что-то изменилось, чтобы примериться к истине.

И вот среди противников солдата выделилась фигура обвинителя. Каким-то образом она была чем-то связана, в чем-то похожа на ведьму и в то же время на красавицу-принцессу. При этом ночная красавица была словно главной героиней, заманившей всех персонажей в свою мышеловку и незаметно обыгравшей всех вовлеченных в ее жизнь.

Я мог бы долго и нудно сопоставлять факты, копаться в свидетельствах, но не в этом была моя задача. Рядом с большим убийством стояли и более мелкие нарушения закона. И чем больше казалось проступков солдата, тем меньше солдат казался преступником. Так, в представлении защиты звучали сочувственные ноты. Медики говорили, что солдатом, привыкшим к боям, мог овладеть гневный дух сражения, и он, не отдавая себе отчета, поступил согласно этим законам. Другие утверждали, что солдат является жертвой морали, и только познав боль и страх, он мог осознать суть самой смерти как утраты бытия. Ведь идя в первый бой, он не мог быть осужден за дикость и жестокость, поскольку он выступал как защитник интересов своего короля. Поэтому следует считать солдата простым гражданином, не несущим ответственности за свои поступки, но пользующимся возможностью заработать на жизнь.

Король, не ожидавший обвинений, требовал у суда разрешения сказать слова в свою защиту, но получив эту возможность, смешался и лишь жалобно каялся в прогулах уроков юриспруденции.

На помощь супругу пришла королева, которая призналась в том, что пользовалась чародейством во многих случаях, когда требовались твердые решения, в том, что сама получала советы от мрачных сил, и что о смерти и значимости ее ей не приходило в голову ни одной серьезной мысли.

Среди собравшихся было немало и тех, кто считал причиной преступления участие волшебных собак. Не они ли хранили тайну огнива?

Но, как я уже говорил, наиболее убедительными и доходчивыми были слова принцессы, которая обосновывала необходимость смены правительства, что обеспечивало ей восторженное поклонение горожан. Всеобщий мир, устройство бала для всех жителей страны — все это также способствовало благодушному настрою толпы, которая была изрядно потрепана собаками. А с последних, как мы понимаем, взятки гладки.

Но зато принцесса, разглядев солдата, поняла, что ей трудно отыскать более подходящего супруга, который будет подчиняться ей, как солдат генералу. А история старой ведьмы должна была превратиться в счастливую легенду.

Словами булгаковского Воланда, «все оставалось в новой Москве, как и в прежней», лишь «квартирный вопрос» не стоял так остро. В принципе, безумство Раскольникова, приведшее к трагедии преступления и наказания, стереотипно могло иметь место на золотых страницах и Достоевского, и Булгакова, и Андерсена. И как завет остаются слова Достоевского, что нельзя построить хрустальный дворец на слезах одного младенца.

Конечно, там, где смерть правит бал, улыбка неуместна. Но все же, может быть слегка лицемеря, я подготовил ответ для тех учителей, которым будет задан вопрос: «Так за что же солдат убил старушку?»